

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ЦИКЛА МИНИАТЮР АРКАДИЯ БАБЧЕНКО «ДЕСЯТЬ СЕРИЙ О ВОЙНЕ»

Елена Тетерина

Российский государственный университет
им. А. Н. Косыгина, Москва

Статья посвящена рассмотрению онтологической проблематики как жанровой доминанты цикла миниатюр Аркадия Бабченко «Десять серий о войне». Его главным смыслообразующим фактором является мифологема дантова Чистилища, которая вводит произведение в область рефлексии мировой литературы о судьбе человека, его духовном состоянии и главных жизненных ценностях. В произведении Бабченко образ Чистилища имеет семантику катастрофического пространства, в котором, тем не менее, имеется шанс на духовное возрождение человека. Процесс созидания изуродованной войной души обозначен символикой Дома, Порога, Двери.

Ключевые слова: военная проза, жанр, миниатюра, мифологема, символ, Данте, дом, Чистилище.

Keywords: military prose, genre, miniature, mythology, Dante, Home, Purgatory.

*Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть
куда-нибудь можно было пойти. Ибо бывает такое время,
когда непременно надо хоть куда-нибудь да пойти!*
Ф. Достоевский. «Преступление и наказание».

*Все - ничто, да и сам человек ничто. Вот в чем дело,
и ничего, кроме света не надо, да еще чистоты и порядка.*
Э. Хемингуэй. «Там, где чисто, светло».

В 2001 г. в российском журнале «Октябрь» были опубликованы «Десять серий о войне» одного из основоположников «новой военной прозы» Аркадия Аркадьевича Бабченко, журналиста, писателя. Интерес автора этой статьи сосредоточен на выявлении жанровой доминанты произведения. Сама попытка его жанровой идентификации осложня-

ется тем, что название намекает на близость иному, нежели литература, виду искусства: серийное развертывание сюжета нередко встречается в живописи, кино, графике, фотографии.

Рассматривая произведение в собственно литературной плоскости, позволим себе идентифицировать его жанр как цикл миниатюр: с одной стороны,

очевидны формально-содержательные признаки миниатюры (лаконичность, сюжетность, внешняя законченность фабулы, тщательность стилистической отделки эпизодов¹), с другой стороны, оно содержит ее главную жанровую составляющую – онтологическую проблематику. Так, В. А. Дынник, перечисляя указанные выше приметы этой жанровой формы, подчеркивала:

В применении к литературе, миниатюрой может быть названа вещь, охватывающая, по объему своих образов или же идей, такую же широкую область, какую охватывает крупное литературное произведение, а не ограничивающаяся одним каким-либо моментом, выхваченным из жизни, вне его общезначимого смысла.

(Дынник 1925)

Апелляция к «общежизненному смыслу» содержится уже в названии произведения Бабченко: несмотря на то, что в основе сюжета – хорошо знакомые автору события Чеченских войн, пояснительного эпитета к слову «война» нет. Это позволяет произведению обрести притчевую глубину в осмыслении описанных событий. Представленные далее эпизоды военных будней сфокусированы в особом мифологическом измерении. Так, например, сцена разведки в миниатюре «Чехи-2» вписана в хроно-топ Вечности:

Медленно, как можно тише, чтобы не хрустнуло стекло под ногой, выходим

¹ Сходные характеристики в определении жанра миниатюры выделяли А. П. Квятковский: «...небольшое прозаическое или стихотворное произведение строго законченной формы» (Квятковский 1966, 160), Д. М. Магомедова: «Для миниатюры характерна смысловая и формальная автономия, самостоятельность» (Магомедова 2011, 137).

в коридор. Каждый шаг – вечность, и, пока мы проходим трехметровую вселенную прихожей, тысячи поколений успевают появиться и сгинуть на Земле, а Солнце умирает и возрождается вновь.

(Бабченко 2001, 6)

Смыслообразующим фактором произведения является и его связь с «Божественной комедией» Данте. Речь идет об использовании автором «Серий...» образа Чистилища, возведенного мировой культурой в статус мифологемы². Как известно, «Комедия» различными способами актуализирует число «10» (Генон 1925; Дживелегов 1946; Голенищев-Кутузов 1971; Хоппер 2014). Именно это число Сверхения и Истины вынесено А. Бабченко в название своего цикла, состоящего из десяти миниатюр. Пространственные приметы «Серий...» ассоциативно связаны с десятичастным образом дантова Чистилища, состоящего из береговой полосы, Предчистилища, семи уступов горы и ее вершины – Земного рая.

Трудный путь лирического героя по вертикали Чистилища флорентийский поэт описал так:

*Гора так мудро сложена,
Что поначалу подыматься трудно;*

² В католическом мировидении Данте Чистилище (лат. «Purgatorium») представляет собой загробную область. Там обретают возможность воскрешения души людей, в земной жизни творившие как зло, так и добро. Идея Чистилища востребована и светской культурой: католический термин становится метафорой для обозначения катастрофического пространства, где человек имеет шанс на спасение. Есть и иные смыслы интерпретации этого образа. Так, в телевизионном фильме российского журналиста А. Невзорова «Чистилище» (1997) о событиях Первой чеченской войны этот образ обозначает место, где бессмысленно и жестоко перемалываются судьбы обычных людей.

*Чем дальше вверх, тем мягче крутизна.
Поэтому, когда легко и чудно
Твои шаги начнут тебя нести,
Как по течению нас уносит судно
Тогда ты будешь у конца пути.
Там схлынут и усталость и забота.*

(Данте 2004, 198. пер. с итал.
М. Лозинского)

Подобно этому, все драматические эпизоды «Серий...» А. Бабченко располагаются на оси странствия героя по Чистилищу. Цикл открывает миниатюра «Горная бригада» о подъеме гранатометного взвода в горы и заканчивает миниатюра «Квартира», в которой герой обретает временный покой и открывает великий созидательный смысл мирной повседневности.

Герой Данте, находясь в преддверии пути туда, «где правда нас испытывает строго» (Данте 2004, 191), поражен размером высочайшей из всех земных гор, на которую предстоит восхождение:

*Уже пред нами вырос горный склон,
Стеной такой обрывистой и строгой,
Что самый ловкий был бы уstraшен.*

(там же, 192)

Путь героя «Серий...» также начинается с изнурительного подъема в горы. Здесь же, в первой миниатюре, явно обозначен образ солдата-страсто-терпца, взвалившего на себя бремя падшего мира:

*Что такое горы, может представить
только тот, кто там побывал. Горы –
это полная задница. Все, что нужно
для жизни, – все на себя. Нужна еда –
и ты под завязку набиваешь вещмешок
сухпашем на пять суток <...> Нужны
боеприпасы – и цинк патронов и пол-
ящичка гранат ты рассовываешь по
всем карманам <...> Свой АГС – стан-
ковый гранатомет – ты взваливаешь на*

*правое плечо, а АГС раненого Андриюхи
Воложанина на левое. Две ленты с гра-
натами для АГСа вешаешь крест-на-
крест на грудь, как матрос Железняк в
кино про революцию, а в свободную руку,
если такая останется, берешь еще и
«улитку» – коробку для ленты. Плюс
палатка, колья, топоры, пила, лопаты и
тому подобные вещи, необходимые для
жизни взвода. Плюс вещи, необходимые
лично тебе, – автомат, бушлат, одеяло,
спальный мешок, котелок, пачек трид-
цать сигарет, смену белья, запасные
портянки и т. д., и т. п. Всего получа-
ется килограммов семьдесят. И, когда
делаешь первый шаг в гору, понимаешь,
что наверх ты не залезешь ни за что,
даже если тебя расстреляют. Но по-
том ты делаешь второй, третий шаг и
начинаешь карабкаться, ползти, лезть
наверх, поскользнуться, падать, снова
лезть, зубами и кишками цепляясь за ку-
стики и веточки.*

(Бабченко 2001, 4)

Вторая миниатюра актуализирует символику реки. В образе северо-кавказской Аргун-реки представлена динамика жизненного цикла: рождение, смерть, воскресение. Река – это и источник жизни: «Река для нас – что для бедуина источник в пустыне. В реке мы мылись, из реки пили, из нее же брали воду для приготовления пищи» (там же, 5), и дарующее радость безопасности материнское лоно: «Мы умывались, плескались, как дети» (там же). Одновременно Аргун-река – это воды жутких рек и озер из видений Данте: Ахерон (греч. «река скорби»), Коцит (от греч. «плач»), Флегетон (греч. «жгучий») и Стикс (греч. «ненавистный»). На ее инфермальную природу в прозе Бабченко указывает сероводородный запах и следующая сцена: «А потом по Аргун-реке поплыли трупы. Вверх по течению

с обрыва в реку упали две машины с уходившими боевиками, вода вымывала их из кузовов и несла вниз» (там же). Финал миниатюры воскрешает образы Леты (греч. *забвение*) и Эвной (греч. *добрая память*), которые у Данте представлены как реки, омывающие души искупающих грехи, заставляющие забыть прежние преступления и вспомнить о добре:

На следующее утро, проснувшись, я подошел к бачку с водой <...> Зачерпнув кружку воды, я уже сделал первый глоток, как до меня дошло – вода-то с мертвечиной, поэтому и бачок полный, никто не пил. Я сплюнул, поставил кружку. Тогда сидевший рядом Аркаша-снайпер посмотрел на меня, встал, взял кружку, зачерпнул воды, выпил ее и протянул кружку мне:

– На, пей, чего ты...

И мы продолжили пить ее, эту мертвую серную воду.

(там же)

Художественные детали в произведении Бабченко также связаны с «Божественной комедией». Так, встреченные в горах парни из Буйнакской штурмовой бригады «семь месяцев, изо дня в день, <...> лазали по горам» (там же, 4), подобно преодолевающим семь уступов горы Чистилища у Данте. Число «семь» здесь может напомнить и о семи днях странствия лирического героя «Божественной комедии» по ипостасям бытия в поисках Истины. Им предстоит «девятичасовой марш» в горы – прохождение девяти кругов дантова *Inferno*. На образ Ада также намекают девятиэтажные дома чеченской столицы – города Грозного («1-й микрорайон»).

Центральные эпизоды военного цикла российского писателя представляют собой череду кошмарных ситуа-

ций: смерть русского солдата («Яковлев»), болезни («Моздок»), обстрелы и взрывы («Чехи-2», «1-й микрорайон»). Следствием описанных трагических событий, ставших тривиальностью войны, становится ощущение полной душевной опустошенности героев:

Мы стали опускаться. Неделю не мытые руки растрескались и постоянно кровоточили, превратившись от холода в сплошную экзему. Мы перестали умываться, чистить зубы, бриться. Мы уже неделю не грелись у костра – сырой тростник не горел, а дров в степи достать было негде. И мы стали звереть. Холод, сырость, грязь вытравили из нас все чувства, кроме ненависти, и мы ненавидели все на свете, включая самих себя. Ссоры между нами вспыхивали из-за любого пустяка и мгновенно достигали высшей точки накала.

(там же, 8)

В Чистилище, которое описывает Бабченко, как и у Данте, распавшаяся было душа человека снова собирается из обломков, подобно солнцу, которое «умирает и возрождается вновь» (там же, 6). Началом этого самообретения становится по-ремарковски переданное осознание того, что любой выстрел на войне – выстрел в себя. «Мы, сами того не ведая, вели войну против самих себя! И каждый меткий выстрел попадал в одного из нас!», – замечал герой романа Э. М. Ремарка «Возвращение» (Ремарк 1991, 151). Этот момент духовного прозрения служит заключительным аккордом миниатюр «Корова» и «Шарик». Казалось бы, на войне, где и смерть человека становится трагической обыденностью, гибель животного незаметна. В «Сериях...» шкала войны уравнивает все и всех:

Там, на войне, вообще все очень понятливые – человек, собака, дерево, камень, река. Кажется, что у всех есть душа. Когда ковыряешь саперной лопаткой каменную глину, с ней разговариваешь, как с родной: «Ну давай, миленькая, еще один штык, еще чуть-чуть...» И она поддается твоим уговорам, отдает тебе еще часть, пряча свое тело в себе. Они все всё понимают, они знают, какова их судьба и что будет с ними дальше.
(Бабченко 2001, 10)

Поэтому корова здесь идет не на убой, а на «расстрел»: «Она шла еле-еле, слабые ноги подгибались, и мы материли ее за то, что она затягивает расстрел» (там же, 7). И солдаты, стреляющие в нее и делающие вид, что ничего особенного не произошло, понимают, что расстреляна часть их собственной души:

Одегов, ведший корову на веревке, подвел ее к краю оврага, развернул и как-то торопливо, плохо прицелившись, выстрелил <...> Одегов, прицеливавшийся для второго выстрела, вдруг опустил автомат, развернулся и быстро пошел вверх по склону. Тогда я догнал его, взял автомат и, вернувшись, в упор выстрелил корове между ушей. Ее глаза дернулись вверх, провожая взглядом убившую ее пулю, закатились, и она сползла по склону оврага. Мы еще долго стояли на краю склона и смотрели на мертвую корову <...> Потом я дернул Одегова за рукав.

– Это всего лишь корова.

– Да.

– Пойдем.

– Да.

(там же, 7–8)

В миниатюре «Шарик» нет слов сожаления по поводу закланного и съеденного голодными бойцами пса. Но выстроенный в лаконичной хемингуэ-

евской технике текст акцентирует короткую фразу финала – «На следующее утро нам завезли сечку» (там же, 10). Драматический подтекст этой краткой, мимоходом сказанной фразы высвечивает трагедию человека, загнанного войной в угол, обреченного ею на бессмысленную жестокость и на осознание собственной духовной катастрофы. Мучительная рефлексия о состоянии человеческого разума и души, скрытым пунктиром проходящая по всему произведению Бабченко, знаменует важное качество литературной миниатюры: переход от внешнего событийного плана к внутреннему. Так, Д. М. Магомедова, выделяя признаки этой жанровой формы, замечает: «миниатюра в той или иной риторической структуре реализует развитие лирического сюжета, единственное событие в котором заключается в переходе от внешнего к внутреннему <...> или – обратный ход – от внутреннего к внешнему» (Магомедова 2011, 139–140).

Контрастными по отношению к военным сценам в произведении оказываются эпизоды покоя, в которых оживает изуродованная войной душа человека. Как известно, конечной точкой Чистилища Данте является Земной Рай. Для того чтобы попасть туда, необходимо пройти сквозь пелену огня. Подобно этому, герой Бабченко, пройдя пламя и дым Войны, оказывается в плоскости Света, Матери, Дома, Любви, Надежды. Обретение «Земного рая» происходит для героя внезапно, эпифанически:

И, когда я уже почти окончательно превратился в животное, меня вдруг вызвал ротный:

– Собирайся. К тебе мать приехала. Завтра с колонной поедешь в Моздок.

Эти слова сразу отделили меня от остальных. Они оставались здесь, в дожде, а мои мучения кончились, я уезжал к матери в теплое, сухое, чистое.

(Бабченко 2001, 8)

В таком же эпифаническом свете предстанет рассказчику случайно обнаруженное им жилище, уцелевшее в апокалипсисе войны («Квартира»).

Воскрешение растерзанной души в «Сериях...» Бабченко связано со сквозным и ключевым образом всего произведения – образом дома. В библейской традиции дому уподобляется человеческая душа (Лев.14:33–53). Погрязший в раздорах дом обречен, как и душа, чуждая созидательной мудрости любви: «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Матф. 12:25). В ряде произведений русской литературы XX в. образ дома не только выражал идею спасительного острова в хаосе исторических катаклизмов и пристанища уставшей души («Белая гвардия» М. Булгакова, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Доктор Живаго» Б. Пастернака и т.д.), но и стал символом торжества над Смертью и утверждения Жизни:

*Усобица и голод и война,
Крестя мечом и пламенем народы,
Весь древний Ужас подняли со дна.
В те дни мой дом – слепой и запустелый –
Хранил права убежища, как храм...
<...>*

*Утихла буря. Догорел пожар.
Я принял жизнь и этот дом как дар
Нечаянный – мне вверенный судьбою,
Как знак, что я усыновлен землею.*

(Волошин 1995, 237)

В произведении Бабченко динамика развертывания образа дома в символ

прослеживается на протяжении всего цикла миниатюр: от беглых зарисовок случайных жилищ, постоянно сменяемых в ходе военных операций («Горная бригада», «Чехи», «1-й микрорайон»), до создания полнообъемного концепта в последней миниатюре цикла «Квартира».

На несколько дней счастливым пристанищем героя становится покинутая жильцами квартира. Сюда он приходит тайно, боясь нарушить сакральность обретенного рая:

*Я не стал сразу проходить в квартиру.
И, вернувшись во взвод, никому не сказал
о ней. Не хотел, чтобы кто-то чужой
шарил руками по этой частице мирной
жизни, ворошил добро в шкафах, глазел
на фотографии и рылся в ящиках. Не
хотел, чтобы чужие сапоги топтали
вещи, чужие руки устанавливали печку
и ломали паркет на дрова.*

*Это был мир, кусочек спокойной, тихой
жизни, по которой я невероятно соскучился,
жизни, как там, в прошлом, где
нет войны, – с семьей, с любимой женщиной,
разговорами за ужином и планами
на будущее.*

*Это была моя квартира. Лично моя.
Мой дом.*

(Бабченко 2001, 10)

Здесь герой ведет свою великую по созидательному смыслу игру в семейный очаг, пытаясь из обломков собрать себя и рухнувший мир. Это дается нелегко – обретенный рай корежится в кривом зеркале войны:

Она налила борщ в тарелку, пододвинула мне. Сама села напротив. «А ты?» – «Кушай, я уже поела ... Да ты сними амуницию-то, глупенький!» – Она засмеялась звонко, как колокольчик. – Что ж ты гранаты в борще купаешь? Давай их сюда, я их на подоконник положу. Грязные-то какие, не стыдно тебе?» Она

взяла тряпку, протерла гранаты, положила их на подоконник. «Да, кстати, милый, твою “муху”, что около шкафа стоит, я тоже сегодня протерла, она запыхлилась совсем. <...> Ты ее на работу будешь брать? А то давай на антре-соли уберем».

(там же, 11)

Женский образ в этом эпизоде коррелирует с Беатриче, с которой после долгой разлуки встречается в Земном рае герой Данте, и которая будет его проводницей на пути к Истине.

Духовный результат странствия героя по Чистилищу предстает в последнем абзаце миниатюры: «Потом, когда мы пошли дальше, я заглянул туда [в квартиру] в последний раз, постоял на пороге и аккуратно запер дверь. Ключи я оставил в замке» (там же). В этом открытом финале трагического по своей сути произведения звучит едва различимый мажорный обертон. Он вводится символами порога и открытой двери, имеющими семантику обновления и надежды. М. М. Бахтин в работе «Проблемы поэтики Достоевского» рассматривал образ порога в значении «“точки”, где <...> обновляются или гибнут»

(Бахтин 1979, 198). Символ открытой двери имеет принципиальное значение в Новом Завете, указывая на возможность возрождения. Так, Христос говорит: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется» (Иоан.10:9). Подобно этому, в «Сериях...» Бабченко образ двери с ключами в замке выражает идею потенциального духовного созидания. Обретенная рассказчиком надежда становится одновременно его даром на самовозрождение тому, кто однажды случайно окажется перед дверью Земного рая. Сам герой цикла, возвращаясь в катастрофическую ипостась войны, уносит в своей душе его часть. Автору, очевидно, созвучна мысль одного из персонажей романа Ф. Абрамова «Дом»: «Главный-то дом человек в душе у себя строит, и тот дом ни в огне не горит, ни в воде не тонет» (Абрамов 1982, 691).

Таким образом, главной жанровой доминантой цикла миниатюр А. Бабченко является онтологическая проблематика, введенная в произведение мифологемой Чистилища, символикой Дома, Порога, Двери, и призванная актуализировать вечные смыслы мировой культуры в ее рефлексии о природе человека и его судьбе.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов, Ф. 1982. Дом. Абрамов, Ф. Братья и сестры: Роман в 4-х кн. Москва: Советский писатель.

Бабченко, А. 2001. Десять серий о войне. Октябрь 12, 4–11.

Бахтин, М. М. 1979. Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Советская Россия.

Волошин, М. 1995. Дом поэта. Волошин, М. Он «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / Сост. В. П. Купченко. Москва: Педагогика-Пресс.

Генон, Р. 1925. Эзотеризм Данте / Пер. с фр. Т. Любимовой. e-reading.club. Режим доступа:

http://www.e-reading.club/bookreader.php/85273/Genon_-_Ezoterizm_Dante.html [см. 27 09 2017].

Голенищев-Кутузов, И. Н. 1971. Творчество Данте и мировая культура. Москва: Наука.

Данте Алигьери. 2004. Божественная комедия. Пер. с итал. М. Лозинского. Москва: Эксмо.

Дживелегов, А. К. 1946. Данте Алигьери. Жизнь и творчество. Москва: ОГИЗ.

Дынник, В. А. 1925. Миниатюра. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / Под ред. Н. Бродского и др. Москва, Ленинград: Изд-во Л. Д. Френкель. Энциклопедии & Словари. Режим доступа: <http://enc-dic.com/lit/Miniaturjura-230> [см. 27 09 2017].

Квятковский, А. П. 1966. *Поэтический словарь*. Москва: Советская энциклопедия.

Магомедова, Д. М. 2011. Фрагмент и миниатюра. *Теория литературных жанров* / Под ред. Н. Д. Тмарченко. Москва: Изд. центр «Академия».

REFERENCES

Abramov, F. 1982. Dom. [The Home]. *Abramov, F. Brat'ya i sestry: Roman v 4-h knigah*. [Brothers and Sisters: The Novel in 4 vol.]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ.

Babchenko, A. 2001. Desyat' serij o vojne. [Ten Series on the War]. *Oktyabr'* 12, 4–11.

Bahtin, M. M. 1979. *Problemy poetiki Dostoevskogo*. [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ.

Dante Alighieri. 2004. *Bozhestvennaya komediya*. [Divine Comedy]. Translate by M. Lozinskij. Moscow: Eksmo Publ.

Dynnik, V. A. 1925. Miniatura. [Miniature]. *Literaturnaya ehnciklopediya: Slovar' literaturnyh terminov*. [Literary Encyclopedia: Dictionary of Literary Terms]: In 2 vol. / Ed. N. Brodskii and others. Moscow, Leningrad: Ed. of L. D. Frenkel. *Enciklopedii & Slovarei*. Available at: <http://enc-dic.com/lit/Miniatura-230>. Accessed: 27 September 2017.

Dzhivegov, A. K. 1946. *Dante Alighieri. Zhizn' i tvorchestvo*. [Dante Alighieri. The Life and Oeuvre]. Moscow: OGIZ Publ.

Guénon, R. 1925. Ezoterizm Dante. [The Esotericism of Dante]. *e-reading.club*. Available at: http://www.e-reading.club/bookreader.php/85273/Genon_-_Ezoterizm_Dante.html. Accessed: 27 September 2017.

THE ONTOLOGICAL PROBLEM OF ARKADY BABCHENKO'S CYCLE OF MINIATURES *TEN SERIES ON THE WAR*

Elena Teterina

S u m m a r y

This article is devoted to the consideration of human ontological problems as the main genre sign of Arkady Babchenko's cycle of miniatures *Ten Series on the War*. This prose of Babchenko is devoted to Russia's Chechen Wars and realistically reproduces the modern realities.

At the same time, its main meaning-making factor is the mythologeme of the Dante's Purgatory. This

Ремарк, Э. М. 1991. *Возвращение*. Пер. с нем. И. Горкина. Москва: АСТ.

Хоппер, В. Ф. 2014. *Числовая символика Средневековья: Тайный смысл и форма выражения* / Пер. с англ. С. Федорова. Москва: Центрполиграф.

Golenishchev-Kutuzov, I. N. 1971. *Tvorchestvo Dante i mirovaya kul'tura*. [Dante's Oeuvre and world culture]. Moscow: Nauka Publ.

Hopper, V. F. 2014. *Chisllovaya simbolika Srednevekov'ya: Tajnyj smysl i forma vyrazheniya*. [Medieval Number Symbolism: Its Sources, Meaning, and Influence on Thought and Expression]. Moscow: Centropoligraf Publ.

Kvyatkovskij, A. P. 1966. *Poeticheskij slovar'*. [Poetic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya Enciklopediya Publ.

Magomedova, D. M. 2011. Fragment i miniatura. [Fragment and Miniature]. *Teoriya literaturnyh zhanrov*. [The Theory of Literary Genres]. / Ed. N. D. Tamarchenko. Moscow: Izdatel'skij centr "Akademiya" Publ.

Remarque, E. M. 1991. *Vozvrashchenie*. [The Road Back]. Translate by I. Gorkin. Moscow: AST Publ.

Voloshin, M. 1995. Dom poeta. [The Poet's Home]. *Voloshin, M. «Zhizn' – beskonechnoe poznan'e»: Stihotvoreniya i poemy. Proza. Vospominaniya sovremennikov. Posvyashcheniya*. [“The life is an infinite cognition”: Poems. Prose. Memories of contemporaries. Dedications]. / Ed. V. P. Kupchenko. Moscow: Pedagogika-Press Publ.

generally introduces this text into the field of global literature's reflection on the human destiny, his spiritual life and his main values. In Babchenko's cycle, the image of the Purgatory has the semantics of a catastrophic space, in which, nevertheless, there is a chance for a spiritual rebirth of man. The process of building a war-maimed human soul is indicated by the symbolism of the Home, the Threshold and the Door.

ARKADIJAUS BABČENKO MINIATIŪRŲ CIKLO „DEŠIMT SERIJŲ APIE KARĄ“ ONTOLOGINĖ PROBLEMATIKA

Jelena Teterina

S a n t r a u k a

Straipsnyje nagrinėjama Arkadijaus Babčenko miniatiūrų ciklo „Dešimt serijų apie karą“ ontologinė problematika kaip žanrinė dominantė. Šioje realistinėje Babčenko prozoje aprašomi Rusijos Federacijos karai Čečėnijoje ir vaizduojamos dabartinės realijos. Taip pat vienas iš prasmę kuriančių veiksnių cikle yra Dantės Skaistyklos mitologema, per kurią kūrinys patenka

į pasaulinės literatūros kontekstą, kuriame apmąstoma žmogaus likimas, jo dvasinė būseną ir pagrindinės gyvenimo vertybės. Babčenko kūrinys Skaistykla įgauna pražūtingos erdvės semantiką, tačiau šitoje erdvėje vis dar įmanomas dvasinis žmogaus atgimimas. Karo išdarytos žmogaus sielos kūrimo procesas ženklina mas Namo, Slenksčio ir Durų simboliais.

Получено: сентябрь 2017

Принято: сентябрь 2017

Адрес автора:

Кафедра русской словесности
и мировой литературы
Факультет классической филологии,
психологии и юриспруденции
Российский государственный
университет им. А. Н. Косыгина
115035, Россия, г. Москва,
ул. Садовническая, д.52/45.
E-mail: lente-75@mail.ru